

УДК 821.161.1-3.09

**«НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ»:
ГОРЬКОВСКИЙ СЮЖЕТ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА**

Борисова Л. М.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: borlm-sf@mail.ru

В статье получает развитие мысль об интертекстуальной связи романа Булгакова «Мастер и Маргарита» с рассказом Горького «Читатель». Исследуется сюжетная интрига, игра умолчаний и намеков (поведенческих, визуальных, речевых, акустических), их сходство и различия у Горького и Булгакова. Указывается на мифологическую подоплеку используемых авторами приемов, их обусловленность в обоих случаях особенностями народного речевого этикета. В диалогах Булгакова выявлены горьковские аллюзии на уровне стилистических деталей, интонационного рисунка фраз. Отмечаются имплицитные горьковские реминисценции, связанные с постановкой вечных вопросов в романе. В тексте рассказа Горького акцентируются моменты, указывающие на незаконченность действия. В процессе сопоставления «Читателя» с памфлетами «О черте», «Еще о черте» герой рассказа идентифицируется как демоническое существо. Очерчивается комплекс сюжетоположений и идейных мотивов, общих всем трем произведениям, делается вывод об их жанрово-стилевой однотипности, циклическом единстве. Фиксируется отражение в «Мастере и Маргарите» той версии горьковского сюжета, которая представлена в рассказе Гладкова «Кровью сердца», где незнакомец выступает положительным героем в образе самого основоположника советской литературы. Рассказ Гладкова рассматривается как один из объектов булгаковской сатиры.

Проделанный анализ дает возможность утверждать, что в первой главе романа Булгакова, задающей тон всему повествованию, отчетливо проступает сюжетная модель, опробованная Горьким в рассказе «Читатель».

Ключевые слова: М. Горький, М. Булгаков, «Читатель», «Мастер и Маргарита», литературный источник, демонический персонаж, сюжетная интрига, умолчание, намек, аллюзия, реминисценция.

Среди источников последнего романа Булгакова, перечень которых, по точному слову Г. А. Лескисса [10, с. 238], уже приближается к «бесконечному числу» и вызывает у исследователей сомнения в «реальной возможности усвоения писателем невероятного огромного объема материала в период создания романа» [12, с. 321], трудно себе представить произведения Горького. Но при внимательном прочтении (и автору этих строк уже приходилось писать об этом [2]) в «Мастере и Маргарите», прежде всего в первой главе романа, обнаруживаются такие совпадения с горьковским рассказом «Читатель» – ситуативные, интонационные, визуальные,

жестовые, которые невозможно считать случайными. В эпизоде на Патриарших точно повторяется ситуация горьковского рассказа: в аллее городского сада над рекой судьба сводит писателя с незнакомцем, который затевает с ним разговор о «последних вопросах»: о Боге и Его антипoде, о жизни и литературе, – словом, экзаменует на творческую зрелость. Главное сходство двух текстов, чем и обусловлены все переключки в них, связано с сюжетной интригой. Как она строится? Есть ли у писателей соответствия в выборе средств? Откуда они их черпают? Определить это и является целью данной статьи, поскольку в предыдущей эти вопросы не поднимались.

Герой «Читателя» – маленький, одетый в темное человек, передвигающийся легко и беззвучно, словно скользя. Незнакомец отказывается представиться, уклончиво называет себя «неким странным читателем» и предлагает собеседнику «выйти из рамок простого и обыденного». Он же задает и тему беседы – о целях литературы. Постепенно втягиваясь в разговор привыкший к дискуссиям писатель на сей раз испытывает страх, чувствует, что «вступил в темный круг ощущений исключительных и странных».

На протяжении всего повествования герой пытается разгадать тайну «читателя» в то время, как автор не устает подогревать интерес к ней. «Кто я? Вы не догадываетесь?» – допытывается незнакомец. «Теперь, я думаю, ты понял, кто я? да?»

Вслед за героем загадку «странного читателя» будут разгадывать реальные читатели. Михайловский считал его воплощенной совестью писателя [11, с. 498]. На вопрос Репина Горький отвечал так же: «Читатель» – это я, человек, в беседе с самим собою, литератором. Я, человек, недоволен собою, писателем <...>» [5, с. 376]. Но эти слова настолько близки к сказанному известному персонажу Иваном Карамазовым («Ты – воплощение меня самого... моих мыслей и чувств»), что трудно не заподозрить в них подсказку.

Среди тех, кому понравился рассказ, был Владимир Соловьев. Вряд ли философа увлекло стремление Горького революционизировать общество. Скорее всего, он почувствовал нечто близкое себе в пристрастии молодого писателя к притче, иносказанию, условной образности. Горького обрадовала эта поддержка. И

действительно, в лице Соловьева он мог рассчитывать на полное понимание, автор «Слова увещательного к морским чертям», надо думать, догадался, с кем имеет дело герой.

В письме Ф. Д. Батюшкову от 27 сентября 1898 г. Горький предлагал три варианта названия своей «фантазии»: «Первый рассказ», «Читатель» и «Некто», выделяя при этом последнее как самое лучшее [5, с. 273]. И с этим нельзя не согласиться. «Первый рассказ» – название ученическое, невыразительное, «Читатель» звучит нейтрально, а «Некто», действительно, интригует.

Умолчание становится по-настоящему интригующим, когда оно дополнено игрой намеков. Как и у Булгакова, у Горького нет в них недостатка. Обращает на себя внимание манера персонажа подхватывать и повторять слова собеседника. Устойчивой особенностью речевого поведения нечистой силы является удвоение реплик, сопровождаемое хохотом, все это наиболее ярко проявляется в ситуации диалога, отмечают исследователи [15, с. 32–34]. В художественной литературе, как указывает Б. А. Успенский, так введет себя нечисть в «Заколдованном месте» Гоголя.

Но именно поэтому прием невозможно повторить буквально без того, чтобы не разрушить интригу. Горький варьирует традиционный сценарий, дополняет его новыми устойчивыми деталями. У него, например, «эхо» повторяет, подхватывает реплику собеседника с тем, чтобы тут же осмеять, вывернуть, наизнанку, перечеркнуть ее смысл.

«Хорошо быть чем-нибудь на земле среди людей!» – думает горьковский писатель. «А хорошо чувствовать себя чем-то исключительным? – спросил мой спутник.

Я не услышал в его вопросе ничего особенного и поспешил согласиться с ним.

– Хе, хе, хе! – колко засмеялся он, нервно потирая своими маленькими руками с тонкими, цепкими пальцами» [7, с. 113].

«А вы веселый человек...» – «Да, я веселый человек ... И еще я очень любопытен... Вот сейчас я хочу знать – что стоит вам ваш успех?»

«Около месяца работы... может быть, немного более» – «Немножко труда... хе, хе, хе!», – смеется незнакомец малости платы.

Иногда такие повторы приобретают форму игры словами.

«– Будем говорить о целях литературы!

– Пожалуй... хотя, мне кажется, уже поздно...

– О! для вас еще не поздно!..

Я остановился удивленный этими словами, <...> они звучали как иносказание» [7, с. 115].

Сравним у Булгакова:

«Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. Но дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

– Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен <...>» [3, с. 131].

«– А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

– Я – историк, подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!» [3, с. 134].

Сходство, как видим, заключается в нюансах (дьявол в данном случае буквально таится в деталях), и это первый, неопровержимый признак его неслучайности.

Но у Булгакова есть и отличные от горьковских речевые намеки. И культурный Берлиоз, и невежественный Бездомный, например, одинаково легко поминают нечистого, в годы «штурма небес» это стало обычным делом. У Горького ситуация несколько иная. В пору, когда рос Алеша Пешков, соответствующее табу в простонародной среде еще имело силу, хотя, конечно, в повседневной жизни часто сгоряча нарушалось, но сознательно им пренебрегали немногие. Именно этим произвел на племянника впечатление дядя-чертежник: «Мне нравилось, что он так ухарски швыряется чертями <...>» [8, с. 459]. Позднее тем же запомнился «оригинальный бродяга», встреченный в странствиях по Руси (о нем ниже). Горький усвоил их уроки и в дальнейшем чертыхался не хуже, если не виртуознее, учителей. В «Читателе» он в этом отношении подчеркнута сдержан, но в памфлете «Еще о черте», будучи помянутым героем, персонаж этот тотчас перед ним и предстанет.

Речевые характеристики в описании демонических существ особенно значимы в отсутствие у них четких внешних черт. Нечистая сила может принимать любой облик: антропоморфный, зооморфный, смешанный, «нулевоморфный» (может быть бесплотной) [14, с. 252]. Черт полиморфен, «может являться в каком угодно облике: и черным, и зеленым, и синим» [15, с. 18, с. 19].

Таким образом, «оригинальный бродяга» в горьковских «Заметках из дневника» (глава «Чужие люди»), который дает волю своей фантазии и предлагает, на первый взгляд, немыслимую квалификацию чертей (черти лиловые, подобные слизнякам, черти голландские, цвета охры, круглые, как мячи, с головками, сморщенными как зерно перца, клетчатые черти – разнообразие кривых линий, черти драповые, похожие на гвозди, черти колокольного звона и черти лунных ночей) [9, с. 74–75], на самом деле, что называется, «в теме».

В «Читателе», однако, «фенотип» героя создается чертами из традиционного арсенала. При этом автор лаконичен и не злоупотребляет характеристическими деталями. Самые распространенные показатели демонической сущности – необычный рост, хромота, зооморфные признаки (звериные или птичьи лапы) [11, с. 179]. Горьковский герой, как уже сказано, мал, смотрит на писателя снизу вверх, у него «маленькие руки с тонкими, цепкими пальцами» [7, с. 113]. И еще его отличает некая заостренность облика: у «читателя» острые черные глазки, в нем «все было остро: взгляд, скулы, подбородок с эспаньолкой; вся его маленькая, сухая фигурка колола глаза своей странной угловатостью» [7, с. 112]. Среди специфических признаков черта Н. И. Толстой называет «остроголовость» [14, с. 264].

В «Мастере и Маргарите» намеки еще прозрачнее, в первой главе обыгрываются самые расхожие признаки нечистой силы, сказано, что по прошествии событий в одних донесениях незнакомец фигурировал как человек маленького роста, хромающий на левую ногу, в других – как человек громадного роста, хромающий на правую ногу, тогда как на самом деле он был просто высокого роста и вообще не хромал. Яркую комическую окраску придает эпизоду то обстоятельство, что традиционные народные верования неотличимы от остро актуальной для 1930-х годов шпиономании. Неизвестный выступает у Булгакова «заграничным гусем», а

как представляли в старину демона в человеческом виде? Это существо в необычном наряде, говорящее на ином наречии, ведущее себя не по принятым в данном социуме правилам [4, с. 119], – словом, иностранец.

Для идентификации героя имеют значение акустические эффекты. У «читателя» Горького смех «дробный, колющий» «едкий», «проклятый». Иностранец Булгакова своим хохотом пугает птиц.

«Наиболее ярким показателем черта, – пишет Н. И. Толстой, – оказывается его пристрастие к быстрым метаморфозам, из которых обычно завершающим оказывается превращение в вихрь, т.е. обретение нулевой «морфности» [14, с. 262]. Именно так и заканчивается горьковский рассказ: «<...> он ушел. Как ушел? Я не заметил этого. Он быстро и бесшумно ушел, как исчезают тени...» [7, с. 127]. Горький и в этом случае варьирует традиционный мотив. Воспроизведи он его точно, изобрази все, что сопутствует вихревому обращению: свист, шум, гром, – и конец интриге, исчезло бы ощущение полуреальности, сюжет приобрел бы однозначно фантастический характер.

Воланд выступает инкогнито только в первых главах романа, тайна «читателя» так и остается нераскрытой. Горьковского острого человечка иначе не назовешь, как эвфемическим персонажем. Но интрига в рассказе рассчитана не на один эпизод, на это есть прямые указания в тексте. Прежде, чем исчезнуть, незнакомец бросает писателю: «Не раз еще я приду к тебе! Жди!» Иными словами: «Продолжение следует».

В другой раз общения с писателем уже ищет герой памфлета «О черте». Прогуливаясь по кладбищу, он вспомнит о нем: «При жизни, я, бывало, посещал его, – почему бы не возобновить знакомства?» Памфлет – такая же «фантазия», как «Читатель», полный тех же сентенций о необходимости не бояться жизни, идти навстречу своим страхам. «Но это трудный путь... Он идет сквозь тернии, они до крови рвут живое сердце ваше, и всегда на этом пути ждет вас – черт» [7, с. 153]. Последние слова – парафраз того фрагмента в рассказе «Читатель», когда, загнав писателя в угол своими вопросами, незнакомец с наслаждением над ним смеется.

«У меня сердце кровью плакало от этого проклятого смеха.

– Хе, хе, хе! И это ты учитель жизни? Ты, которого так легко смутить? Теперь, я думаю, ты понял, кто я? да?» [7, с. 125].

В памфлете «О черте» герой заставит писателя немного погадать на свой счет («Цензор?», «Жандарм?», «Критик?»), после чего представится: «Я черт». Персонаж этот, как и «читатель», колок, остер и все так же насвистывает песенки.

Памфлет «Еще о черте» связан с «Читателем» прежде всего темой возвышающего обмана. В рассказе недовольный писателем незнакомец вещает: ты открываешь людям «много низких истин, но можешь ли ты создать для них хотя бы маленький, возвышающий душу обман?» [7, с. 121]. Незнакомый говорит одному, но адресуется ко всем «апостолам-самозванцам»: «Понимаете ли вы запросы своего времени? Что вы можете сказать для возбуждения человека? Что вы вносите в этот хаос мерзости?»

Новый памфлет начинается с рассказа об одном маленьком возвышающем обмане, к которому прибег писатель (как видно, проповедь незнакомца пошла впрок): три месяца он писал матери сосланного на север друга письма от его имени, и «умерла она с верой, что ее сын счастлив», в то время, как он сидел в тюрьме. «Вот какая славная история... Жаль только, что она выдумана мною...» [7 с. 167], – заключает Горький. По максималистским меркам «требовательного читателя» обман действительно маленький, так что автор может только иронизировать над собой. Впоследствии, однако, он пошел уже на большой обман, и не в литературе, а в жизни. Ходасевич рассказывает в «Некрополе» о том, как Горький заставил уже смирившуюся со смертью сына женщину поверить, что он жив, и потом, когда открылась правда, вторично пережить его гибель.

Другая отсылка к «Читателю» в памфлете – история Ивана Ивановича Иванова, которому черт помогал самосовершенствоваться и, извлекая из него один за другим грехи, выпотрошил до основания. В рассказе «Читатель» герой оставил своего собеседника в таком же состоянии, заставив его признать: «<...> я существую

внутренно опустошенный <...> мне кажется <...>, что я уже труп и лишь по какому-то странному недоразумению еще не зарыт в землю» [7, с. 120].

«Требовательный читатель» говорил о том, что человек, которого литература отучила от идеала, стал «только грудой костей, покрытых мясом и толстой шкурой, – эту скверную грудку двигает не дух, а похоти» [7, с. 125]. Именно в таком виде, оголенными до костей предстает писатель в памфлете «О черте» («Сколько на мне было тела! Сущие пустяки...»), а из того, что осталось от Ивана Ивановича Иванова нечистый в памфлете «Еще о черте» грозит сделать погремушку дьяволу.

Рассказ «Читатель» написан от первого лица, памфлет «О черте» – от третьего, во втором памфлете присутствуют обе формы. Но форма первого лица вновь всплывает в письме Горького 1902 г. К. П. Пятницкому: «Ну, знаете, какая же противная вещь этот мой «Читатель»! Ей-богу, это не я писал, это любезный сердцу моему Иван Иванович Иванов насочинял. И вообще – премного во мне сидит Иван Иванович, черт его возьми! Обидно усмотреть в самом себе мещанина, ту язву, которая так возмущает тебя в других» [6, с. 59]. Под Иваном Ивановичем Ивановым Горький подразумевает некую творческую немощь, которая мешает писателю (и ему лично, и любому писателю, и вообще интеллигенту) указать людям путь к Богу.

О «желании души найти Бога» говорит и неизвестный в рассказе «Читатель». Это главное в его проповеди. Ждущий от литературы водительства он задает своей жертве «роковой вопрос»: «Кто есть твой Бог?». У писателя нет на него ответа: «Кто есть мой Бог? Если б я знал это!». Острый человек с презрением бросает собеседнику: «Вы чадите, как факелы торжества сатаны!»

На первый взгляд, разговор приобретает такой характер (дух тьмы отрицает себя самое и прославляет Свет), который не позволяет идентифицировать героя как демоническую сущность. Но, во-первых, под Богом в данном случае совершенно очевидно подразумевается не Троица, а некий идеал, способный сплотить массу, консолидировать ее психическую энергию и направить «в ту сторону, где хранится все вечное, объединяющее людей, где живет Бог...» [7, с. 119]. (В рассказе 1898 г. намечена идея, которая позднее будет развернута в повестях «Исповедь» и «Лето».

«Странный читатель» выступает едва ли не первым в галерее горьковских богостроителей.)

А, во-вторых, как писал в эссе «Гоголь и черт» Мережковский, дьявол – «вечный подражатель», он умеет менять маски, казаться не тем, что есть, одна из любимых его личин – свободный сверхчеловек. Как рассуждает горьковский «читатель-богостроитель», столкнувшись с тем, что люди «часто идут не в ту сторону»? «Те, которые ошибаются в путях к Истине, – погибнут! Пускай, не нужно им мешать, не стоит их жалеть – людей много!» [7, с. 119].

Горьковский персонаж – знакомый незнакомец. Его презрение к слабым идет от «Антихриста» Ницше, а намерение облагодетельствовать человечество заставляют вспомнить «Маленькую повесть об антихристе» Владимира Соловьева. Сама же идея водительства, пропагандируемая Горьким, ничем не отличается от того, что практикует Великий инквизитор у Достоевского [подробнее об этой идейной перекличке см. 13].

У Булгакова, видевшего плоды идеи, утверждению которой немало способствовал Горький, основополагающим понятиям возвращается их изначальный смысл. При всех сомнениях, которые вызывает у богословов его Иешуа, Бог для Булгакова все-таки не возвышающий обман, а Истина.

В первой главе «Мастера и Маргариты» романа есть и другое свидетельство имплицитной переклички с Горьким. Воланд, как известно, впадает в ярость, узнав, что «нету никакого дьявола», и это заставляет вспомнить основополагающий принцип князя тьмы у Горького: никогда он не касался «острым ножом своей иронии величественного факта своего бытия» [7, с. 158].

Наконец, возможна еще одна, косвенная связь первой главы «Мастера и Маргариты» с «Читателем». В 1928 г. был опубликован рассказ Ф. Гладкова «Кровью сердцем» – калька, чтобы не сказать авторизованная копия горьковского рассказа. Самое примечательное в ней то, что Гладков придал герою черты идейного (фамилия Чижов указывает на нелюбителя низких истин) и портретного сходства с основоположником советской литературы. Писатель у Гладкова благоговеет перед незнакомцем, готов броситься ему на грудь и обнять, «как милого брата» [подробнее

об этой рецепции горьковского рассказа см. 1]. В «первоисточнике» он испытывает совсем другие чувства: «Я с ужасом понимал...», «Как ни страшен он был для меня...».

Гладков был заметной фигурой в литературной жизни 1920-30-х гг., его произведения были на слуху, чтобы составить представление об их художественных качествах, даже не обязательно было их читать. В пьесе «Адам и Ева» Булгаков спародировал тот официальный советский стиль, преданным приверженцем которого был Гладков – автор производственного романа «Цемент» и рассказа о гражданской войне «Зеленя». У Булгакова, как известно, Пончик-Непобеда пишет колхозный роман «Красные зеленя». Гражданская война, индустриализация, колхозы – три главные темы в литературе тех лет.

На первом съезде советских писателей Гладков выступил с докладом «О ведущем типе эпохи». И сам он, пролетарский писатель из крестьян-старообрядцев, был таким типом. Булгаков запечатлел этот ведущий писательский тип эпохи в Пончике-Непобеде и Иване Бездомном. Такой литератор быстро определит, с кем имеет дело, и может незнакомца на Соловки послать, а может и к сердцу прижать.

Подведем итоги.

Первая глава романа «Мастер и Маргарита» связана с рассказом Горького «Читатель» не только стилистическими аллюзиями, но прежде всего сюжетной интригой: герой остается неузнанным, в то же время масса намеков указывает на его демоническую природу. Горьковская сюжетная модель подсказала Булгакову завязку романа и в какой-то мере определила ход дальнейшего развития действия, но при этом до неузнаваемости преобразилась в повествовании. В этом заключается основной вывод данного исследования. Два других относятся к рассказу «Читатель». Интрига рассказа проясняется при сопоставлении его с памфлетами «О черте», «Еще о черте», а идейно-тематическая и жанрово-стилистическая близость этих произведений позволяет видеть в них целостное единство, цикл.

Список литературы

1. Борисова, Л. М. М. Горький и сталинская эпоха в рассказе Ф. Гладкова «Кровью сердца» / Л. М. Борисова // Вопросы русской литературы. Вып. 13 (70). – Симферополь, 2007. – С.14–42.
2. Борисова, Л. М. Инфернально-сатирическое у Горького и Булгакова / Л. И. Сазонова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2009. – № 4. – С. 46–55.
3. Булгаков, М. А. Собрание сочинений: В 8 т. / М. А. Булгаков. – М.: Центрполиграф, 2004. – Т. 6. – 604 с.
4. Виноградова, Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиции славян. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – 432 с.
5. Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – 703 с.
6. Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1997 – Т. 3. – 495 с.
7. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1969. – Т. 4. – 640 с.
8. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. / М. Горький – М.: Наука, 1972. – Т. 15. – 640 с.
9. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1972. – Т. 17. – 632 с.
10. Лескисс, Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции. «Белая гвардия». «Записки покойника». «Мастер и Маргарита». Комментарии / Г.А. Лескисс. – М.: ОГИ, 1999. – 427 с.
11. Михайловский, Н. К. О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова Михайловский, Н. К. О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова // Михайловский Н. К. Критика и воспоминания. – М: Искусство, 1995. С. 494–414.

12. Сазонова, Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. – М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012. – 472 с.
13. Сухих, О. С. Горький и Достоевский: Продолжение «Легенды...» (Мотивы «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского в творчестве М. Горького) / О. С. Сухих. – Н.-Новгород: Изд-во: «КИТиздат», 1999. – 143 с.
14. Толстой, Н. И. Каков облик дьявольский? // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. – М.: Изд-во «Индрик», 1995. – 512 с.
15. Успенский, Б. А. Облик черта и его речевое поведение // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Вып. 1 / Б. А. Успенский. – М.: РГГУ, 2012. – С. 17–65.

References

1. Borisova L. M. M. *Gorkii i Stalinskaya Epokha v Rasskaze F. Gladkova Krovuyu Serdtsa* [M. Gorky and the Stalin Era in the Story of F. Gladkov *Blood of the Heart*]. Simferopol: Voprosy Russkoi Literatury, 2007, pp. 14–42.
2. Borisova L. M. *Infernalno-Satiricheskoe u Gorkogo i Bulgakova* [Infernal-Satirical in Gorky and Bulgakov Works]. Moscow: Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education Publ., 2009, pp. 46–55.
3. Bulgakov M. A. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]: in 8 vol. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2004. 604 p.
4. Vinogradova L. N. *Narodnaya Demonologiya i Mifo-Ritualnaya Traditsii Slavyan* [Folk Demonology and Myth-Ritual Traditions of the Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2000. 432 p.
5. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Hudozhestvennyye Proizvedeniya* [Collected Works. Works of Fiction]. Moscow: Nauka Publ., Vol. 1, 1969. 640 p.
6. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Hudozhestvennyye Proizvedeniya* [Collected Works. Works of Fiction]. Moscow: Nauka Publ., 1969, Vol. 2, 640 p.

7. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Hudozhestvennyye Proizvedeniya* [Collected Works. Works of Fiction]. Moscow: Nauka Publ., 1969, Vol. 4, 632 p.
8. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Pisma* [Collected Works. Correspondence]: in 24 vol. Moscow: Nauka Publ., 1997, Vol. 7. 703 p.
9. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Pisma* [Collected Works. Correspondence]: in 24 Vol. Moscow: Nauka Publ., 1997, Vol. 3. 495 p.
10. Leskiss G. A. *Triptikh M. A. Bulgakova o Russkoi Revolyutsii. Belaya Gvardiya. Zapiski Pokoinika. Master i Margarita. Kommentarii* [Triptych of M. A. Bulgakov on the Russian Revolution. *The White Guard. Notes of the Deceased. Master and Margarita. Comments*]. Moscow, OGI Publ., 1999. 427 p.
11. Mikhailovskii N. K. *O Povestyakh i Rasskazakh gg. Gorkogo i Chekhova* [On the Novels and Stories by Gorky and Chekhov]. Mikhailovskii N. K. *Kritika i Vospominaniya* [Mikhailovsky N.K. Criticism and Memoirs]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995, pp. 494–414.
12. Sazonova L. I. *Pamyat Kultury. Nasledie Srednevekovya i Barokko v Russkoi Literature Novogo Vremeni* [Memory of Culture. The Heritage of the Middle Ages and Baroque in Russian Literature of the New Age.]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ, 2012. 472 p.
13. Sukhikh O. S. *Gorkii i Dostoevskii: Prodolzhenie Legendy...* (*Motivy Legendy o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoevskogo v Tvorchestve M. Gorkogo*) [Gorky and Dostoevsky: Continuation of *Legends ...* (*Motives Legends of the Great Inquisitor* by F. M. Dostoevsky in the Works of M. Gorky)]. N.-Novgorod: KITizdat Publ., 1999. 143 p.
14. Tolstoi N. I. *Kakov Oblik Diavolskii?* [What is the Appearance of the Devil?]. Tolstoi N. I. *Yazyk i Narodnaya Kultura. Ocherki po Slavyanskoi Mifologii i Etnolingvistike* [N. I. Tolstoy. Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 512 p.
15. Uspenskii B. A. *Oblik Cherta i ego Rechevoe Povedenie* [The Appearance of the Trait and his Speech Behavior] // *Demonologiya kak Semioticheskaya Sistema*. Moscow: RGGU Publ., 2012, pp. 17–65.

**“NEVER TALK TO STRANGERS”: GORKY'S PLOT IN
M. BULGAKOV'S NOVEL THE MASTER AND MARGARITA**

Borisova L. M.

Summary. The article develops the idea of intertextual connection between Bulgakov's novel *The Master and Margarita* and Gorky's short story *A Reader*. It studies the plot intrigue, the game of omissions and hints (behavioral, visual, verbal, acoustic), revealing similarities and differences between Gorky and Bulgakov. The article indicates the mythological background of the literary devices, exposed to the influence of the folk speech etiquette. It reveals Gorky's allusions to the dialogues of Bulgakov on the level of stylistic details and intonational drawing of phrases. It also notes implicit Gorky's reminiscences dealing with the eternal questions. In the text of Gorky's short story the article points out the moments indicating incompleteness of the action. The comparison of *A Reader* with the pamphlets *About the Devil*, *More about the Devil* reveals the demonic character of the short story hero. The article outlines the complex of plot elements and ideological motives common to all three works. It makes the conclusion about their generic-stylistic uniformity and cyclical unity.

The article notes the reflection in *The Master and Margarita* of the version of Gorky's plot, presented in Gladkov's short story *With the Blood of the Heart*, where the stranger acts as a positive hero in the image of the founder of the Soviet literature himself. Gladkov's story is regarded as one of the objects of Bulgakov's satire.

The analysis conducted allows asserting that the first chapter of Bulgakov's novel, setting the tone for the whole narrative, is based on the plot pattern tested by Gorky in the short story *A Reader*.

Keywords: M. Gorky, M. Bulgakov, *A Reader*, *The Master and Margarita*, literary source, demonic character, plot intrigue, paralipsis, hint, allusion, reminiscence.